

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ИССЛЕДУЯ НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ, ИСПОЛЬЗУЯ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

УДК 911.3

НОВЫЕ ДАННЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ: КАК РОССИЙСКИЕ ГЕОГРАФЫ ИЗУЧАЮТ МИГРАЦИЮ НАСЕЛЕНИЯ (2010–2021 гг.)

© 2022 г. Л. Б. Карачурина^а, *, Н. В. Мкртчян^а, **, М. С. Савоскул^б, ***

^аНациональный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия

^бМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия

*e-mail: lkarachurina@hse.ru

**e-mail: nmkrtyan@hse.ru

***e-mail: savoskul@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.11.2021 г.

После доработки 16.01.2022 г.

Принята к публикации 22.02.2022 г.

Проанализировано развитие исследований миграции населения в социальной географии России в 2010–2021 гг. Проведен анализ публикаций по данной тематике в ведущих географических журналах. Рассмотрены возможности изучения внутренней миграции населения России с использованием новых данных. Обобщены диссертации, защищенные в России по специальности “Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география”. По итогам анализа сделан вывод, что рассматриваемый период характеризуется ростом числа и расширением тем исследований миграции населения. После 2010 г. активизировалось изучение отечественными географами миграции в зарубежных странах. Среди новых направлений по сравнению с началом 2000-х годов можно назвать анализ расселения мигрантов на внутригородском уровне на примере зарубежных стран. Новые направления в изучении российской миграции связаны с детализацией информационной базы миграции – на уровне муниципальных образований. Появление принципиально новых данных – сетей сотовых операторов – позволяет изучать временные циклы пространственной мобильности населения. Данные социальных сетей (например, социальная сеть “ВКонтакте”) служат для анализа учебной миграции. Основные проблемы связаны с постановкой исследовательских вопросов, глубиной проработки и комплексностью изучения процесса миграции, низкой популярностью среди географов методов и подходов других социальных наук. Анализ публикационной активности авторов показал достаточно низкий уровень сотрудничества российских исследователей и их иностранных коллег, а также практически отсутствие научного сотрудничества между географами из разных регионов России в сфере изучения миграции.

Ключевые слова: внутренняя миграция, международная миграция, статистика миграции, миграционные исследования, обзор публикаций

DOI: 10.31857/S2587556622030074

ВВЕДЕНИЕ

Распад СССР стал важной разделительной линией для исследований многих социальных процессов, в том числе для анализа миграции населения. Были сняты имевшиеся ранее ограничения на анализ миграции по некоторым направлениям (например, эмиграции, этнической миграции и связанных с ней конфликтов). Появились новые для страны виды миграции, в которых россияне ранее практически не участвовали. Изменились общий ход процесса урбанизации, миграционные связи с республиками бывшего СССР, возросла вариативность миграционного поведения россиян. Всплеск интереса к изучению отдельных аспектов международной миграции в 1990-е годы, в первую очередь вынужденной миграции, сменил-

ся спадом в последующие десятилетия, другие же направления, например исследования маятниковой миграции, переживают ренессанс благодаря появлению “больших данных”.

Изменился общий исследовательский подход к миграции населения. Ранее мигранты чаще всего рассматривались не как самостоятельные акторы миграционного процесса, а как ресурс и как объект, на которые направлено управляющее (со стороны государства) воздействие. Отсюда и терминология, которая часто использовалась в СССР в отношении миграции населения, – перемещение или перераспределение трудовых ресурсов, механическое движение населения. В современных географических исследованиях мигран-

ты рассматриваются как субъект миграционного процесса.

Изменились параметры статистического учета миграционного движения, появились, пусть и нерепрезентативные, чаще всего локального характера, обследования мигрантов; расширилась публикация статистических данных о миграции населения и структуре миграционных потоков в открытом виде и на разных территориальных уровнях. Однако изменения в статистике миграции населения сложно трактовать только как положительные. Качество данных менялось, зачастую ухудшилось, кроме того, появились ранее отсутствовавшие проблемы несопоставимости данных последнего десятилетия с предыдущими.

Активизация сотрудничества с зарубежными коллегами и доступ к зарубежной литературе позволили расширить спектр методических и теоретических подходов к исследованию миграции населения. Например, многие социальные географы в качестве дополнительного метода используют массовые опросы и глубинные интервью с мигрантами и экспертами в областях, тесно связанных с принятием решения о миграции. Происходящие трансформации находят отражение в изменении тематики исследований.

Ниже мы проследим, как развивались миграционные исследования в российской социальной географии в 2010–2021 гг. Для систематизации основных тенденций статья разделена на три блока:

- анализ публикаций в ведущих географических журналах;
- обзор возможностей изучения миграции населения России с использованием новых данных с акцентом на изменении качества, полноты, пространственной детализации и доступности данных о внутренней миграции и пространственной мобильности населения;
- рассмотрение диссертаций о миграции населения, защищенных в России по специальности “Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география”.

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ В ВЕДУЩИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

На конец 2021 г. в национальной библиографической базе данных научного цитирования на платформе eLIBRARY.RU (РИНЦ) по запросу “миграция (миграции) населения” (поиск по названию, ключевым словам и аннотации) отображается около 3500 статей в журналах и книг, вышедших за 2010–2021 гг. Это всего в 1.5–2 раза меньше, чем по таким популярным терминам, как “расселение”, “урбанизация”, “рождаемость”. Однако подавляющая часть работ по миграции не имеют отношения к географии и пуб-

ликуются в изданиях, с ней не связанных. Впрочем, данная черта – публикации о миграции в географических журналах составляют лишь небольшую часть от общего объема литературы о миграции – отмечается уже достаточно давно (Plane and Bitter, 1997).

Для начального библиометрического анализа отобрано 11 журналов, индексирующихся в РИНЦ по “географии”¹ с общим числом статей в каждом из них более 400 (за 2010–2021 гг.) и имеющих в своем названии или названии рубрик релевантную проблематику (например, журнал “Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология” включался в анализ, а “Аридные экосистемы” нет). При таких критериях в поле зрения российской базы цитирования попадает 187 статей миграционной тематики в названии, аннотации, ключевых словах. Это составляет около 1.5% статей, опубликованных в данных журналах за анализируемый период.

Лидерами по числу и доле публикаций являются два журнала специализированной социально-экономической направленности в географии – “Региональные исследования” и “Балтийский регион”, а также старейший журнал географической проблематики “Вестник Московского университета. Серия 5: География” (табл. 1 и 2). Их доля в общем числе миграционных публикаций за эти годы составляет немногим меньше 60%. В отдельные годы (2010, 2012, 2015) почти все вышедшие статьи по миграции населения опубликованы в этих трех журналах. Начиная с 2016 г. можно наблюдать некоторую деконцентрацию миграционных публикаций на фоне общего роста их числа (рис. 1).

В журнале “Региональные исследования” миграционные исследования регулярно публиковались почти с самого его основания (2002 г.) и по широкому спектру миграционных сюжетов: от теоретических основ и мобильности в широком контексте, методических основ изучения маятниковой миграции и миграционных связей через социальные сети до изучения миграции отдельных этнических групп или влияния международной миграции на развитие мирового сельского хозяйства. Как правило, статьи носят исследовательский характер, основаны на применении статистических данных, однако апробацию здесь проходят и относительно новые для России типы данных для анализа миграции населения (сотовых операторов, социальных сетей, полуструктурированных интервью, ГИС). Именно здесь была опубликована серия статей по анализу пульсации

¹ Рубрика журнала по верхнему уровню ГРНТИ (Государственный рубрикатор научно-технической информации). Журнал может быть отнесен к нескольким различным рубрикам.

Таблица 1. Публикационная активность ведущих российских журналов, индексируемых в РИНЦ по “Географии”, по миграционным публикациям, 2010–2021 гг.

Журнал	Число публикаций, ед.	Доля миграционных публикаций в общем числе публикаций, %	Число авторов миграционных публикаций, чел.	В том числе авторов, опубликовавших миграционные работы в данном журнале однократно, чел.	Среднее число авторов в одной статье, чел.	Среднее число ссылок на одну миграционную публикацию за 2010–2020 гг., ед.	Число ссылок на самую цитируемую миграционную публикацию за 2010–2020 гг., ед.
Региональные исследования	47	5.2	50	37	1.62	11.2	59
Балтийский регион	30	5.5	45	35	2.03	5.7	19
Вестник Московского ун-та. Серия 5: География	29	1.5	31	25	1.53	9.7	43
Известия РАН. Серия географическая	20	1.0	16	11	1.40	19.6	70
Известия РГО	16	1.5	18	12	1.81	3.1	16
Географический вестник	10	1.1	12	11	1.40	2.2	6
География и природные ресурсы	9	0.4	14	12	1.89	2.9	16
Геополитика и экогеодинамика регионов	9	1.1	13	12	1.56	1.2	4
Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: География. Геоэкология	6	0.5	9	9	1.5	4.8	18
Ученые записки Крымского ФУ им. В.И. Вернадского. География. Геология	6	1.3	8	8	1.33	0.8	2
Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: География. Геоэкология	4	1.0	6	4	2.00	2.5	4

Составлено Л.Б. Карачуриной по данным РИНЦ.

системы расселения Московской агломерации под воздействием разных вариантов мобильности населения (Махрова, Бабкин, 2018; Makhrova and Babkin, 2019; Makhrova and Kirillov, 2016; Makhrova et al., 2017)².

“Балтийский регион” в силу своей политолого-экономической направленности публиковал в рассматриваемые годы статьи, связанные в ос-

новном с международной миграцией, реализацией миграционной политики, взаимодействием с диаспорами. Географичность этих работ выражена обычно менее ярко и в первую очередь связана с локализацией описываемых процессов на странах и регионах Балтии. Соответственно, основной уровень исследований – страновой (60% публикаций анализируют мир, отдельные группы стран и страны, см. табл. 2), на региональном уровне чаще других встречаются работы по Калининградской области. Один из недавних выпусков журнала (Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4) –

² Эти статьи впоследствии были опубликованы на английском языке в журнале *Regional Research of Russia*.

Таблица 2. Некоторые характеристики миграционных публикаций в ведущих российских журналах, индексируемых в РИНЦ по "Географии", 2010-2021 гг.

Показатель		Журнал										
		Регинальные исследования	Балтийский регион	Вестник Московского ун-та. Серия 5: География	Известия РАН. Серия географическая	Известия РГО	Географический вестник	География и природные ресурсы	Геополитика и экодинамика регионов	Три журнала*	Всего, ед.	Всего, %
Общее число статей		48	30	29	20	16	10	9	9	16	187	100
Москва		35	9	27	13	—	3	—	2	1	90	48.2
Санкт-Петербург		1	6	1	—	13	—	—	—	—	21	11.2
Региональная		11	7	—	4	1	7	8	5	14	57	30.5
Зарубежная		1	3	—	—	—	—	1	—	1	6	3.2
Соавторство: российские + зарубежные		—	4	—	3	—	—	—	—	—	7	3.7
Соавторство: столичные + региональные		—	1	1	—	2	—	—	2	—	6	3.2
Пространственно-иерархические уровни исследований**												
Мир в целом, объединения стран (например, ЕС)		8	9	1	1	4	1	3	3	1	31	16.6
Отдельные страны		7	9	8	1	6	2	—	—	—	33	17.6
Регионы РФ, зарубежных стран		13	9	9	4	3	4	—	3	6	51	27.3
Отдельные группы регионов (глобальные города, агломерации, районы и пр.)		14	2	5	7	1	1	4	1	4	39	20.8
Муниципальные образования		6	1	4	6	2	2	2	2	3	28	15.0
Населенные пункты		—	—	2	1	—	—	—	—	2	5	2.7
Доминирующая методология и методы исследования												
Обзорные		11	6	2	2	2	4	2	1	1	31	16.6
Статистические (в основном — описательный анализ)		30	17	17	16	13	5	5	5	12	120	64.2
Качественные методы		5	1	5	1	1	—	1	2	—	16	8.6
Совмещение методов (заявленное в тексте):		—	1	1	—	—	1	1	1	2	7	3.7
— с ГИС		1	3	3	1	—	—	—	—	1	9	4.8
— с качественными методами		1	2	1	—	—	—	—	—	—	4	2.1

* "Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: География. Геоэкология", "Ученые записки Крымского ФУ им. В.И. Вернадского. География. Геоэкология", "Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: География. Геоэкология".

** В спорных случаях выставлялся по наиболее крупномасштабному представленному уровню.

Составлено Л.Б. Карачуриной по данным РИНЦ.

это спецвыпуск, посвященный экономическим трендам и миграционным режимам в странах Балтийского региона под влиянием пандемии COVID-19. В 2018 (Т. 10. № 3) и 2014 (№ 2 (20) гг. спецвыпуски были посвящены демографическим, в том числе миграционным, процессам.

Миграционная повестка журнала “Вестник Московского университета. Серия 5: География”, как и у “Региональных исследований”, широка. Можно выделить пул работ, связанных с анализом расселения и в целом интеграции международных мигрантов, в том числе отдельных этнических групп, на территориях разных типов (в столицах европейских стран, отдельных регионах России, землях Германии и пр.) (Шатило, 2017; Савоскул, 2012, 2013, 2015). Встречаются также публикации по отходничеству и внутренней трудовой миграции населения из сельской местности, малых и средних городов России (Аверкиева, Землянский, 2016; Антонов, 2016; Нефедова, 2015). Подавляющая часть исследований анализирует региональный уровень или отдельные типы поселений. Интересной представляется недавняя публикация авторского коллектива студентов под руководством Н.Ю. Замятиной и Д.С. Елмановой, посвященная факторам локализации мигрантов, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей России, в Белгородской области (Замятина и др., 2019). В отсутствие официальной статистики об индивидуальных миграционных траекториях людей для исследования миграционных связей между регионами применяются экспертные интервью, анкетирование населения. В развитие этой тематики О.Е. Васильева и В.С. Удовенко (2018) применительно к отдельным сельским поселениям Ленинградской области выстраивают картину пространственной активности и мобильности жителей с помощью их публикаций в социальной сети “ВКонтакте”.

“Известия РАН. Серия географическая” содержат главным образом статьи по внутрироссийской миграции, подавляющая их часть переведена и опубликована в *Regional Research of Russia*. Почти треть исследований затрагивает муниципальные образования. Анализ миграционных процессов на этом самом нижнем статистически доступном в России уровне позволяет констатировать усиление поляризации российского пространства под воздействием миграции: в зонах ближней к Москве пригородной массовой застройки Московской области ощутимо увеличивается концентрация населения, а жилищное строительство выступает главным механизмом стимулирования миграционного притока в Московскую агломерацию через смягчение ценового барьера на жилье (Kurichev, 2017; Kurichev and Kuricheva, 2018). Аналогичные процессы происходят в большинстве российских регионов: растет

Рис. 1. Динамика публикаций на миграционную тематику в ведущих российских журналах, индексируемых в РИНЦ по “Географии”. Составлено Л.Б. Карачуриной по данным РИНЦ.

концентрация населения в региональных столицах и вокруг них. Однако существующий естественный прирост не способствует даже стабилизации численности населения регионов, и рост населения в центрах сопровождается миграционным оттоком и убылью на периферии. Поляризация пространства между крупнейшими городами и территориями слабоосвоенной зоны нарастает (Karachurina and Mkrtchyan, 2016, 2021a).

Результаты крупномасштабных исследований некоторых региональных авторов публикуются в немосковских региональных географических изданиях. Например, в исследовании Л.П. Богдановой и А.С. Шукиной (2016) показано, как под воздействием миграции за постсоветский период происходила смена населения в селе Бончарово Тверской области: “под влиянием естественной убыли произошло полное замещение местного населения” (с. 43) основательными и активными мигрантами. “Они построили благоустроенные дома, возродили агропроизводственную деятельность. Удаленность села Бончарово обеспечила определенную защиту от административных препятствий и от давления конкурентов” (с. 43). Вместе с тем в той же Тверской области «значительно чаще при полевых исследованиях приходится сталкиваться с явлением “ложной” миграции, когда мигранты из стран ближнего зарубежья покупают дешевое жилье или только регистрируются в сельских поселениях примосковской части Тверской области, а живут и работают в столичном регионе» (с. 43). Такие сюжеты почти невозможны при кабинетном анализе, и можно горячо приветствовать обращение авторов к полевым наблюдениям и исследованиям, тем более что подобных примеров немного.

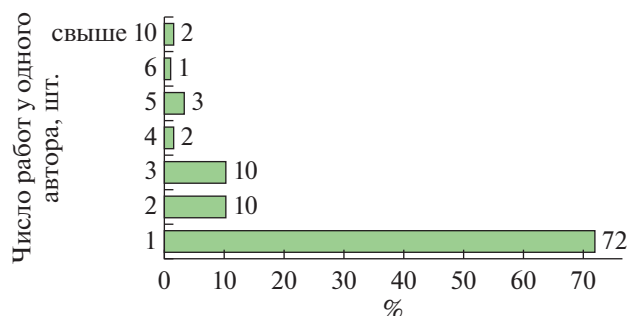

Рис. 2. Структура публикаций в ведущих российских журналах, индексируемых в РИНЦ по «Географии», по авторам, 2010–2021 гг., %.

Составлено Л.Б. Карачуриной по данным РИНЦ.

Публикационная активность авторов. Круг постоянных авторов географических публикаций по миграционной тематике неширок. Отчасти это можно связать с инерцией, восходящей к советскому времени: тема была полузакрытой, интересы географов ограничивались сельско-городской миграцией, реже — переселениями между союзными республиками и экономическими районами. Актуальность миграционной тематики в связи с распадом СССР стимулировала исследования новых сюжетов, но одновременно — внимание к миграции населения как межпредметной области, которую активно изучают ныне социологи, экономисты, этнографы. В 1990–2000-е годы данные о миграции публиковались с недостаточной пространственной детализацией, что само по себе ограничивало географические исследования. Хотя место географов здесь определено самим объектом изучения, логикой пространственных перемещений, поиском объективных и субъективных факторов, обуславливающих миграционные потоки, до сих пор активность географов на этом поле остается сравнительно невысокой.

Еще один результат советского периода в развитии миграционных исследований — длительная оторванность и обособленность от западных географических исследований, в результате которой методы и подходы, получившие распространение там в 1990-е годы, только сейчас начинают распространяться в российской исследовательской практике.

Значительным ограничителем в современных миграционных исследованиях выступает неполнота и недостаточная длина рядов статистических данных, отсутствие устойчивых навыков и активного допуска к полевым исследованиям, не до конца преодоленное скептическое отношение к привлечению методов смежных наук (в первую очередь качественной социологии, прикладной эконометрики). Здесь нужно также отметить, что близость и пересечение со смежными исследовательскими сюжетами — прежде всего с географи-

ей расселения, географией сельской местности, геодемографией — образуют свои аналитические ниши и узкие специализации исследователей миграции. Все вместе это формирует проблемы современных российских географических исследований и создает ограниченный пул исследователей. Общее число авторов, выпускавших в 2010–2021 гг. статьи по миграции населения в географических журналах, составило 175 человек, из них только 50 человек публиковали или приняли участие в публикации не менее двух раз (рис. 2). Подавляющее число авторов напечатало за почти 12 лет всего по одной миграционной работе.

Представленные данные, однако, не следует абсолютизировать. Во-первых, регулярно публикующиеся в географических журналах авторы, выпускают свои исследования и в негеографических изданиях, содержательно близких географам (например, в журналах «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», «Регион: экономика и социология», «Социологические исследования», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Демографическое обозрение», «Население и экономика», «Мир России. Социология. Этнология» и др.).

Во-вторых, нельзя забывать о некоторой условности выставленных границ: включение в анализ определенного пула журналов и статей, которые имеют «миграционные» слова в названии, ключевых словах или аннотации. В результате, работа, сущностно имеющая отношение к миграции, может не попасть в анализируемый список. Особенно часто это происходит с текстами по смежным тематикам. Например, в статье М.С. Гунько, О.Б. Глезер (2015) о миграции не упоминается не только в перечисленных опциях, но даже и во введении. Миграция «вшита» в статью через постановку второго (из трех) исследовательского вопроса о факторах динамики численности населения районов (но также без прямого упоминания чего-либо «миграционного»). Ответ на этот вопрос в тексте статьи звучит так: «основную роль в изменении численности населения почти на всей территории Центральной России играл миграционный отток, таким образом, факторы динамики — это, по существу, факторы удержания населения в районе, реже — факторы привлечения населения, отражающие степень аттрактивности района и его центра» (с. 72). Это значит, что текст по своей сути не просто имеет отношение к миграции, но и интерпретационно выставляет ее на передний план.

В-третьих, в эти годы было опубликовано несколько весьма значимых для отечественных миграционных исследований монографий, в которых раскрываются географические аспекты миграции. В первую очередь, речь идет о коллективной монографии «Между домом и ... домом. Возвратная

пространственная мобильность населения России” (2016). Пространственная мобильность в ней рассматривается в широком смысле этого слова, подробно анализируется трудовая возвратная мобильность (маятниковая, отходничество с недельным и более длительным циклом) и сезонные поездки на дачи, анализируются предпосылки пространственной подвижности населения, связанные с поляризацией российского пространства, динамикой экономического развития и занятости населения. Менее выпукло, но миграционные сюжеты присутствуют и в двухтомнике авторского коллектива Института географии РАН “Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя” (2015). В монографии А.С. Бреславского (2014) сельско-городская миграция вступает в диалог с субурбанизацией и расселением населения в Республике Бурятия. В широком смысле миграционные процессы — один из центральных процессов и в книге другого сибирского исследователя — К.В. Григоричева (2013). Еще несколько монографий региональных авторов также посвящены территориальной специфике миграции (Соловьев, 2017; Стась, 2018; Фаузер и др., 2016).

Тематика публикаций. В советское время главными миграционными сюжетами было территориальное перераспределение населения как результирующая миграционных потоков между союзными республиками и экономическими районами СССР, а также исследование миграции в контексте урбанизации (трансформация расселения под воздействием миграции, миграция из села в город). В 1990-е годы миграционные исследования пытались следовать за жизнью, основным направлением стали проблемы вынужденных мигрантов, влияние на миграцию вооруженных конфликтов, институтов гражданства и языка, репатриация русскоязычного населения из стран СНГ и Балтии, в целом миграционная ситуация в республиках бывшего СССР. Многие менее конъюнктурные сюжеты почти ушли из поля зрения исследователей (Зайончковская, Карачурина, 2001).

Рассмотрение тематики публикаций в 2010-х годах широкими мазками позволяет говорить о некотором возврате в географических исследованиях к сюжетам 1970–80-х годов с добавками в виде заметного внимания к международной миграции, причем в основном в контексте стран так называемого дальнего зарубежья и Балтии. Место анализа миграционной ситуации в республиках заняли многочисленные обзоры региональной миграционной ситуации³.

³ Однако они публикуются в основном в региональных изданиях не только географической направленности, а также в материалах конференций.

Вместо редких публикаций по маятниковой миграции и почти отсутствовавших исследований по внутренней трудовой миграции⁴ появился серьезный пласт работ, связанных с *мобильностью населения и пульсацией территориальных систем*. В них с позиций хроногеографической концепции изучены суточные, недельные и сезонные особенности колебаний численности населения отдельных ареалов в пределах системы расселения Московской агломерации в зависимости от различного рода зональных и азональных факторов. Общетеоретические обобщения феномена пульсации социально-географического пространства предлагаются в работе А.И. Трейвиша (2015).

Повсеместный рост значимости миграционной составляющей в общей динамике численности и структуры населения территорий и трансформация расселения под воздействием разных типов миграции способствовали появлению серии публикаций на стыке *миграции населения и расселения* (Дегусарова и др., 2018; Егоров, Николаев, 2019; Alekseev et al., 2021; Denisov, 2018; Karachurina and Mkrtchyan, 2016, 2021a).

Новой тематикой географических работ стала *миграция молодежи*. Молодежь в России, как и в других странах, — наиболее активная миграционная группа. Исследования в этой области выполнялись в нескольких дизайнах и с разных позиций. В работах (Mkrtchyan (2013) и (Эндрюшко (2018) — демографо-статистическими методами, которые показали влияние учебной миграции на демографическое развитие территорий. Миграция молодежи повсеместно имеет выраженный центростремительный характер, потери молодежи периферией нарастают по мере удаления от региональных центров. Н.К. Габдрахманов (2020) рассматривает учебную миграцию как индикатор успешности регионов. С помощью социологических методов показывается, как миграционные и образовательные намерения молодежи коррелируют с их успеваемостью, материальной обеспеченностью семей, уровнем образования родителей (Карачурина, Флоринская, 2019), как меняются миграционные установки молодежи под влиянием пандемии COVID-19 (Артеменков, Сухова, 2020). Н.Ю. Замятина (2013) с помощью профилей студентов Томского ГУ в социальной сети “ВКонтакте” выделила сети городов, участвующих в регулярных обменах абитуриентами—студентами—выпускниками. Специальные исследования миграции других возрастных групп — все еще редкий в России сюжет, но при этом один из самых распространенных в зарубежных исследованиях, связывающих миграционные траекто-

⁴ Применительно к послевоенному советскому периоду здесь можно вспомнить редкие исследования сезонников и “шабашников” социолога Н.А. Шабановой (1991).

рии людей при движении по жизненному пути с разными типами территорий.

Работы по *трудоустройству* (отходничеству, маятниковой трудовой миграции) концентрируются на фиксации географической картины и определении факторов ее распространения (пространственное положение населенных пунктов относительно внешних рынков труда и потенциальный уровень дохода на них, транспортно-географическое положение, уровень квалификации работников, фактор традиций) (Антонов, 2016б), анализе различий возрастной структуры мобильного и немобильного населения России, трудовых мигрантов в зависимости от направлений выезда на работу (Мкртчян, 2018), сравнении направлений трудовой и долговременной миграции в 1990-е и 2000-е годы (Nefedova, 2015). Оценивается притягательность рынка труда Москвы для маятниковых мигрантов из области в зависимости от удаленности от столицы. С помощью регрессионного анализа была выделена зона “эффективных” маятниковых миграций (территория примерно 50 км от МКАД, которая выполняет функцию спальных пригородов столицы) и рубеж “нулевой эффективности” (150 км, или 170 минут удаленности), который показывает предельный размер ареала трудового тяготения Москвы (Makhrova et al., 2017).

Другое прочтение получили исследования *сельско-городской миграции*. В 1980-е годы этот тип миграции изучался преимущественно с помощью локальных опросов с позиций причин миграции из необустроенных сел в растущие и привлекательные города. Ныне этот тип миграции исследуется более комплексно, во взаимосвязи с положением относительно центров развития территории, наличием городов, связностью пространства, условиями занятости, разными сочетаниями факторов миграции для разных социально-демографических групп. В работе Т.Г. Нефедовой, Н.В. Мкртчяна (2017) показано, что, хотя пространственные различия в состоянии сельского хозяйства помимо природных условий, институциональных и экономических изменений связаны с накопленными последствиями сельской депопуляции, современный отток населения из сельской местности не имеет прямой связи с состоянием дел в сельском хозяйстве. Важную роль играет отходничество в города. Оно, а также расширяющаяся по вариации своих циклов маятниковая миграция (наряду с неформальной занятостью) стали преобладающими стратегиями адаптации сельских жителей к изменениям на рынке труда (Аверкиева, Землянский, 2016; Averkieva, 2016). Исследований миграции сельчан в географических работах по-прежнему не хватает, а горожан в село — вообще нет⁵, но сельско-го-

родские миграционные исследования в целом стали встраиваться в общую канву рассуждений теорий дифференциальной урбанизации, мобильности (Nefedova and Treivish, 2019; Makhrova et al., 2017).

Важным публикационным сюжетом в 2010-е годы стала *международная миграция*, причем ее основным территориальным объектом выступают страны так называемого дальнего зарубежья и Балтии. И. Дежина с коллегами (2020), анализируя и прогнозируя эмиграцию научных кадров из России, пришли к выводу, что замедление сокращения численности исследователей ни в России в целом, ни для Санкт-Петербурга как территориального объекта анализа, не произойдет. М.С. Савоскул в серии публикаций на эту тему (2013, 2015, 2016) определила детерминанты выезда из страны, факторы, определяющие географию выезда эмигрантов, и сформулировала концепцию “территориальных миграционных систем” (2015), которая предполагает циклический характер формирования и процесса международной миграции.

ИЗУЧЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ С ОПОРОЙ НА НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Как и в мире (Newbold, 2012), возможности изучения миграции населения в России определяются в большой мере наличием и доступностью статистических данных. В 2010-е годы эти возможности расширились благодаря новым данным государственной статистики, в том числе и по внутренней миграции. Прежде всего это данные Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010), которые стали доступны на разных территориальных уровнях, в результате, появилась возможность анализа большого числа статистических показателей.

Данные о структуре населения на уровне городов (городских округов) и муниципальных районов, собранные в ходе ВПН-2010 и ВПН-2002, позволили изучать миграцию населения отдельных возрастных групп, прежде всего — молодежи, за межпереписной период. Поскольку публикуемые Росстатом сведения о миграции на основании текущего учета населения вплоть до 2010 г. были недостаточно достоверными, сопоставление данных двух соседних переписей методом так называемой передвижки возрастов позволяло понять масштабы перетока молодого населения в крупные города (региональные центры) из внутрирегиональной периферии. Расчеты показали, что в отдельных, наиболее удаленных от региональных центров периферийных территориях отток молодежи после окончания школы мог достигать 50–60% (Kashnitsky, 2020), а региональные столицы — крупные центры привлечения учебных мигрантов могли увеличивать числен-

⁵ Хотя они встречаются в негеографических журналах.

ность молодого населения на 70% и даже удваивать ее (Mkrtchyan, 2013). Применение данного метода к переписным данным позволило оценить также потери молодежи отдельными регионами (Эндрюшко, 2018), изучить роль миграции в динамике численности населения отдельных возрастов на примере гг. Москвы, Санкт-Петербурга и их областей (Дельва, 2021; Доронина, 2019).

Программа ВПН-2010 содержала вопрос о месте проживания за год до ее проведения, что давало возможность изучения потоков миграции за данный год. На основании этих данных были проанализированы, например, региональные особенности миграции пожилых в России, особенности миграции “молодых” и “старых” пожилых (Karachurina and Ivanova, 2019). Данные об отдельных потоках межрегиональной миграции (матрицы размерностью 85 на 85), построенные на основе информации о месте проживания за год до ВПН-2010, позволили выделять отдельные потоки миграции с преобладанием населения в молодых, средних и пожилых возрастах. Была выявлена противонаправленность потоков в разных возрастах — студентов и молодежи (возвратная миграция после обучения), лиц средних и старших возрастов (Mkrtchyan and Vakulenko, 2019). Анализ на тех же данных факторов межрегиональной миграции в России показал, что в средних возрастах влияют экономические переменные (рынок труда, доходы населения, рынок жилья), тогда как на другие группы мигрантов влияют факторы в основном неэкономической природы. Например, пенсионеры стремятся минимизировать издержки проживания, переезжая в бедные регионы с высокой безработицей, где стоимость жизни дешевле, а также в регионы с благоприятным климатом. Студенты и молодежь в своих переселениях рациональны по-иному, ими движет возможность наращивания человеческого капитала и поиск возможностей начала трудовой карьеры, остальные факторы для них незначимы (Vakulenko and Mkrtchyan, 2020). К сожалению, теперь базы детальных пространственных данных переписей 2002 и 2010 гг. сделали закрытыми, но исследователи не теряют надежды в доступе к этой информации.

Помимо сведений о продолжительности проживания и прежнем месте жительства данные переписей содержат информацию о месте работы: в своем населенном пункте, в других поселениях своего региона и за его пределами — с уточнением конкретного субъекта Российской Федерации. На основании этого исследованы (Антонов, 2016б) пространственные особенности временной трудовой миграции и мобильности, участия населения в трудовых поездках, например между пригородом и периферией (жители пригородов активны в маятниковых поездках), в зависимости от типа населенного пункта, а также факторы тру-

довой пространственной мобильности. Очень важный (и наглядный) результат — выделение зон тяготения межрегиональной трудовой миграции крупнейших центров притяжения мигрантов (Между домом ..., 2016). К сожалению, данные ВПН-2010 не содержат информации о частоте поездок, что, строго говоря, не позволяет отделять маятниковых мигрантов от временных трудовых. В программу ВПН-2020 данный вопрос включен, что, надеемся, существенно улучшит получаемые данные и расширит сферу их применения.

С 2010 г. вопросы о межрегиональной временной трудовой миграции содержатся в Обследовании населения по проблемам занятости (с 2016 г. — Обследование рабочей силы). Они впервые представили количественные характеристики этой формы миграции, согласно которым численность трудовых мигрантов (без учета маятниковых) исчислялась от 1565 тыс. в 2012 г. до 1846 тыс. в 2019 г. Детальная разработка этих данных дает представление о направлениях миграции, занятиях на выезде, портрете трудового мигранта (Флоринская и др., 2015), распространенности трудовой миграции и мобильности в крупнейших агломерациях (Нефедова, Трейвиш, 2016), социально-экономических эффектах современного отходничества (Nefedova, 2015). Однако данные доступны только по специальному запросу, в открытых публикациях они содержатся в сильно обобщенном виде.

В 2011 г. система учета долговременной миграции в России претерпела самые существенные изменения с начала 1990-х годов (тогда была отменена прописка). До этого учет миграции Росстатом основывался только на регистрации по месту жительства, что выводило за его рамки многие де-факто долговременные переселения, например, учебную миграцию (Чудиновских, 2004). С 2011 г. в качестве долговременных мигрантов стали учитывать всех оформивших регистрацию по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, что привело к значительному увеличению регистрируемых объемов внутренней и международной миграции. Однако система статистического учета осталась несовершенной, она допускает случаи двойного учета мигрантов (Чудиновских, 2016; Чудиновских, Степанова, 2020), а также искажение статистической информации о структурных характеристиках потоков.

Тем не менее данные о миграции, получаемые по новой методике, дали толчок к изучению ее возрастных особенностей, приуроченности миграционных событий к отдельным стадиям жизненного пути. Четко проявился возрастной профиль миграции с явным пиком в возрасте окончания школы и поступления в вуз (Кашницкий, 2017). Появились работы, анализирующие различия возрастных профилей миграции по регионам России (Карачурина, Мкртчян, 2017).

С 2012 г. данные о долговременной миграции по отдельным муниципальным образованиям в разрезе отдельных потоков (внутри-, межрегиональной и международной миграции) и возрастных групп доступны в Базе данных показателей муниципальных образований, размещенной на сайте Росстата. Это дало возможность изучать миграцию на уровне отдельных городских округов и муниципальных районов и даже на уровне сельских поселений. До этого на основе Базы данных “Мультистат” (Экономика городов России) или паспортов городов, собираемых ВЦ Росстата, можно было изучать только миграцию в городах и только на основании информации об общем миграционном приросте их населения. Однако даже это давало информацию для анализа роли миграции в процессе урбанизации в России (Махрова, Кириллов, 2014; Karachurina, 2014), ее стадийности (Nefedova and Treivish, 2019).

Появление доступных данных о миграции на уровне городов и районов позволило выявить снижение межрегиональных территориальных градиентов миграции и нарастание ее внутрирегиональных диспропорций (Карачурина, Мкртчян, 2013; Denisov, 2018). К изученным в достаточной мере тенденциям миграции на макроуровне добавились исследования на мезоуровне, высвечивающие переток населения из периферийных территорий в региональные центры и его влияние на население тех и других территорий (Егоров, Николаев, 2019). Стали возможны оценки роли миграции в концентрации населения в крупнейших городах и их пригородах, составляющей в первой половине 2010-х годов около 0.5 млн человек в год (Karachurina and Mkrtchyan, 2016). При этом, как показали данные по отдельным возрастным группам, как и в других странах (Mu et al., 2021; Plane and Jurjevich, 2009), наиболее выраженные центростремительные направления миграции отмечаются у молодежи студенческих возрастов, тогда как для лиц старше 50 лет такие тенденции не свойственны (Karachurina and Mkrtchyan, 2021b). Но пока нет и тенденций к децентрации, если не считать таковыми наметившийся переток в плотно (по российским меркам) населенные пригороды. Россия в этом плане сильно отстает от США и стран Европы.

Данные о миграции на уровне муниципальных образований позволили изучать особую роль пригородов крупных городов (региональных столиц) — территорий наиболее интенсивного миграционного прироста (Бреславский, 2014; Mkrtchyan, 2019). Данные по внутрирегиональной миграции (в виде матриц) — выявить переток населения из региональных столиц в пригороды, формирование зон тяготения не только региональных столиц, но и других крупных городов (Karachurina and Mkrtchyan, 2021a).

Изучение роли миграции в крупных городах и их пригородах проводилось и с использованием данных о продажах жилья (на основе информации Росреестра и застройщиков, содержащей адреса постоянной регистрации покупателей, совершивших 37.8 тыс. сделок на рынке первичного жилья Московского столичного региона в 2012–2014 гг.). На примере Москвы и Московской области (Kurichev and Kuricheva, 2018) была предложена модель, увязывающая спрос на жилье с миграционным притоком в Московскую агломерацию, усиливающим агломерационные эффекты (Kurichev, 2017). Данные позволяют выявить регионы происхождения покупателей жилья (москвичей и жителей других регионов, в том числе дифференцированных по городам разных размеров); это дает представление об их соотношении в ядре агломерации и ее внешней зоне. Подобные исследования существенно образом дополняют представления о потоках долговременной миграции в крупнейшей российской агломерации и факторах, влияющих на них.

Для изучения миграции начали использоваться материалы социальных сетей. При помощи данных “ВКонтакте” исследовалась учебная миграция и миграция молодежи [подробно описаны в: (Замятина, Яшунский, 2018)]. Например, с учетом всех методических ограничений анализ содержащейся в них информации позволил на примере Томского госуниверситета (Замятина, 2012) выявить не только “зоны сбора” абитуриентов — с этим может справиться и должным образом организованная и что важно — доступная аналитикам вузовская статистика, но и “зоны сбыта”, о которых вузовская статистика не знает ничего (мало помогают в этом и специальные мониторинги, организованные Министерством образования).

Важные для изучения миграции возможности открывает использование больших данных, например, предоставляемых операторами сотовой связи. Однако прежде всего они нужны для изучения разных форм мобильности населения (Чудиновских, 2018), и в этом качестве, судя по всему, не имеют альтернативы. Получаемые с их помощью данные о ежедневных поездках, помимо информации о масштабах и направлениях этих форм мобильности, позволяют изучать локальные рынки труда в рамках агломераций (Makhrova et al., 2017), сезонные, недельные и суточные ритмы подвижности населения, обсуждать делимитацию городских агломераций (Makhrova and Babkin, 2020).

Таким образом, на исследования внутренней миграции и мобильности в 2010-е годы существенное влияние оказали:

— совершенствование программы, детальность разработки и доступность данных ВПН-2010;

- изменение методики учета долговременной миграции в России, предоставившее возможность изучения ранее латентных форм миграции и снизившее ее недоучет;

- доступность данных о миграции не только на региональном, но и на муниципальном уровне;

- появление новых видов данных, получаемых из социальных сетей, а также данных сотовых операторов.

ИЗУЧЕНИЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ДИССЕРТАЦИЯХ ГЕОГРАФОВ

В России закрепление исследовательских традиций в научном направлении происходит через институт защит кандидатских и докторских диссертаций. Именно поэтому их анализ представляет особый интерес. Большую часть диссертационных работ в социальной географии невозможно представить без собственного эмпирического масштабного исследования, создания авторских карт, авторского вклада в развитие науки.

Анализ тем кандидатских диссертаций позволяет, с одной стороны, выявить уже сложившиеся и часто общепринятые подходы к изучаемому явлению, с другой стороны, обратить внимание на новые тенденции и методические подходы.

В качестве источника информации использовались электронная библиотека диссертаций и авторефератов⁶, а также официальный сайт Высшей аттестационной комиссии (ВАК)⁷ и электронный каталог Российской государственной библиотеки⁸. Среди аналогичных работ можно отметить публикации А.А. Агирречу (2014) о структуре и динамике защит диссертаций по социально-экономической географии и М.С. Савоскул (2014) о диссертациях по миграции населения, защищенных в 1993–2013 гг.

Отбор диссертаций производился по следующим ключевым словам в названии и в оглавлении работы: миграция, миграционный, мигранты, эмиграции, эмиграционный, эмигранты, иммиграция, иммиграционный, иммигранты, переселения, движение населения. Докторские диссертации отдельно не рассматривались, так как за период с 2010 по 2021 г. по специальности “Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география” защищена только одна посвященная миграции докторская диссертация (Савоскул, 2016).

⁶ <http://www.dissercat.com> — сайт электронной библиотеки диссертаций и авторефератов (дата обращения 11.11.2021).

⁷ <http://vak.minobrnauki.gov.ru> — официальный сайт Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации (дата обращения 15.10.2021).

⁸ <http://www.rsl.ru> — официальный сайт Российской государственной библиотеки (дата обращения 25.10.2021).

Динамика защит и тематика работ. С 2010 по 2021 г. по анализируемой специальности защищено 19 кандидатских диссертаций, в которых миграция населения является основным объектом всей работы либо находится в центре внимания одной из ключевых частей исследования.

Среди диссертационных работ социальных географов, представленных к защите в 2010–2021 г., миграционная тематика — не самая популярная, хотя к ней и наблюдается стабильный интерес (рис. 3). При общем снижении количества диссертационных работ, выходящих на защиту, число работ по миграционной тематике составляет от 0 до 4 в год.

Четыре диссертации затрагивают вопросы миграции населения в рамках комплексных исследований по социальной географии, они используют разнообразные методы исследования. Это вопросы сельского расселения в Тюменской области после 1991 г., которое менялось, в том числе, и в результате миграции населения (Шелудков, 2020). Анализ рынка труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1990–2010-е годы на основе данных переписей населения выполнен Е.В. Антоновым (2016а), соответственно один из важных аспектов изучения в работе — трудовая миграция. В работе, посвященной сезонным ритмам в социально-экономической жизни регионов России (Землянский, 2011), применен нестандартный индикативный метод определения масштабов сезонной миграции населения. Автор рассматривает колебания показателей производства хлеба и хлебобулочных изделий в регионах России, которые зависят от спроса покупателей, а соответственно и от сезонного колебания наличного населения. Новый тип данных (данные операторов сотовой связи) для анализа динамики расселения в Московской агломерации использовал в своей работе Р.А. Бабкин (2020).

По сравнению с 2001–2009 гг. произошел географический сдвиг в работах по миграционной тематике: в тот период из 13 кандидатских диссертаций, защищенных географами, 8 были направлены на изучение миграции населения в отдельных регионах России, 5 — на изучение миграции населения в странах Западной Европы и США.

В 2010–2021 гг. из 15 работ, касающихся непосредственно миграции населения, 10 работ посвящены изучению стран Западной Европы и США, 3 — странам ближнего зарубежья⁹ (Украина и Таджикистан) и только 2 — исключительно внутрироссийской миграции (Лялина, 2018; Чукова, 2011). Вопросы расселения мигрантов в Москве, наряду с другими европейскими столица-

⁹ Здесь и далее под термином ближнее зарубежье авторы понимают страны, ранее входившие в состав СССР (кроме России).

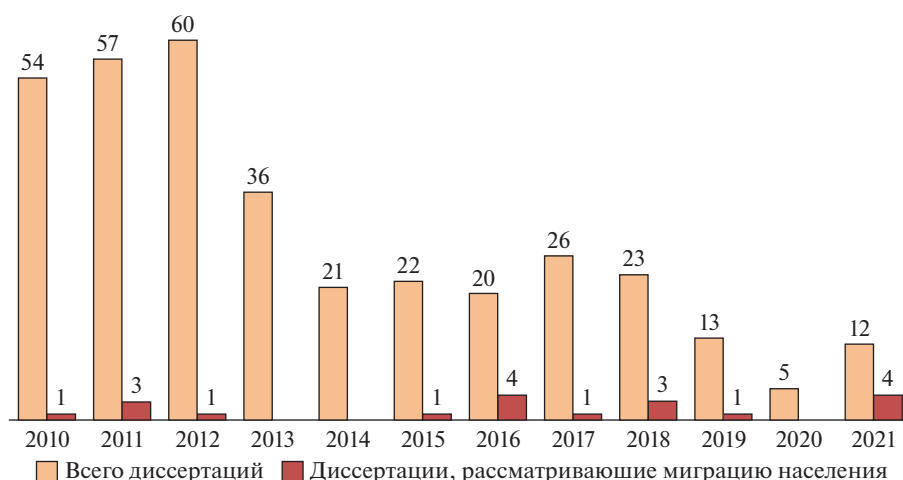

Рис. 3. Динамика защит докторских и кандидатских диссертаций по специальности «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» в 2010–2021 гг.

Составлено М.С. Савоскул по данным сайта электронной библиотеки диссертаций и авторефератов (<http://www.dissercat.com>), сайта ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации (<http://vak.minobrnauki.gov.ru>), сайта РГБ (<http://www.rsl.ru>).

ми (Лондон, Париж, Мадрид, Берлин), рассматривает в своей диссертации Д.П. Шатило (2018).

Смена географического охвата исследований, объясняется, по-видимому, несколькими причинами:

- через интернет-источники оказались доступны данные зарубежной статистики, которые обладают высоким уровнем детализации и позволяют проводить исследования на разных территориальных уровнях, не выезжая из России. Ранее эти данные возможно было получить только в ходе полевой работы за рубежом;

- российские данные в рассматриваемое десятилетие также оказались в распоряжении исследователей, но работа с этими данными часто сложнее и кропотливее (см. раздел выше).

Предполагаем, что отсутствие доступной статистической базы в отношении трудовых мигрантов из ближнего зарубежья объясняет то, что такая актуальная для России тема практически не затрагивается в диссертациях географов.

Изменилось и направление исследований. На современном этапе значительная часть диссертаций посвящена адаптации мигрантов и их расселению в крупных городах (Аракчеева, 2012; Кельман, 2016; Шатило, 2018; и др.), то есть не непосредственно изучению географии миграционных потоков между странами и регионами, а уже следующим стадиям миграционного процесса – результатам и последствиям миграции.

Часть диссертаций находится на стыке географии миграции населения, с одной стороны, и геурбанистики и пространственной сегрегации – с другой. Таково, например, исследование

И.Н. Алова (2021), направленное на анализ пространственной дифференциации расселения афроамериканцев в агломерациях США.

Объект исследований. Наиболее близки к социальной географии исследования миграции населения в экономике, демографии, социологии, этнографии: используются общая теоретическая база, методологические подходы и методы. Есть отличия в объекте исследования.

В социологии в качестве объекта исследования выступают сами мигранты, процессы адаптации мигрантов в принимающем обществе, а также социальные последствия миграций и их влияние на принимающее общество. *В экономике* в качестве объекта исследования рассматриваются рынок труда, отраслевые особенности занятости мигрантов. *В демографии* объектом исследования обычно становятся влияние миграции на структурные характеристики населения или возрастные и гендерные особенности миграционных потоков. Объект исследования в *этнографии* – различные этносоциальные группы мигрантов, как внешних, так и внутренних, исследуются этнические особенности адаптации мигрантов, отношение общества к этническим мигрантам. Таким образом, эти науки, в отличие от социальной географии, чаще всего рассматривают отдельные аспекты миграционного процесса.

В социальной географии в качестве объекта исследования, как правило, выбирается какой-либо регион, страна или территориальные общности (см. табл. 2). В преобладающем числе географических работ реализуется комплексный подход к миграционному процессу на конкретной территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и во всем мире, исследования миграции населения в России в 2010-е годы развивались, наращивая число работ и расширяя их предметную область. Впрочем, это можно сказать применительно ко многим научным направлениям в эти годы в России, а не только к социальной географии. Большинство других черт, характерных для мировых миграционных исследований [их интернационализация, расширение тематической направленности, усиление взаимосвязи между миграционными темами, углубление анализа при использовании различных методов (Pisarevskaya, 2021)], на наш взгляд, проявлялись в российских географических исследованиях пока не столь очевидно. Прогресс по многим из этих позиций связан, в первую очередь, с введением в оборот новых статистических данных, а также с некоторым ростом публикаций, взаимосвязанных со смежными сюжетами (например, миграция рассматривается в контексте расселения, городского развития); подобные тренды отмечаются и в мировых исследованиях (Newbold, 2012).

Однако число исследователей, активно занимающихся миграционными исследованиями в социальной географии, невелико. Возможно, это связано с провалом в притоке молодых специалистов в науку (не только в миграционную проблематику), начавшимся в 1990-е годы; небольшим числом институций, занимающихся социально-географическими, в том числе миграционными, исследованиями; малым числом специальных проектов, фондов, заинтересованных в подобных исследованиях и др.

Анализ публикаций по миграционной тематике в ведущих российских географических журналах выявил не только небольшое число регулярно публикующихся авторов, но также слабую представленность региональных авторов в московских и Санкт-петербургских журналах и, наоборот, столичных авторов — в региональных. Подобная “местечковость”, очевидно, тоже не является свойством только миграционных исследований; она, как и слабое международное публикационное сотрудничество, не может способствовать развитию научного сотрудничества социальных географов. Если в международных научных журналах уже в 2008 г. 35% статей были подготовлены соавторами из разных стран (Knowledge ..., 2011), то в российских миграционных публикациях доля совместных с иностранными авторами работ составляет сейчас лишь 3.8%. Кооперации не способствуют даже близость с республиками СССР и прежние связи. Впрочем, еще хуже обстоят дела с внутрисоюзным сотрудничеством: только 3.2% всех анализируемых публикаций написаны соавторами с разными территориальными аффилиациями.

По-прежнему велика доля работ, описывающих процессы межрегиональной и международной миграции на основе данных текущей статистики, при этом в выполненных географами исследованиях региональной миграционной ситуации зачастую отсутствуют сюжеты, посвященные внутрирегиональной дифференциации и специфике миграционных процессов. Раньше это объяснялось отсутствием доступа к детализированным пространственным данным, но в 2010-е годы эта проблема уже не стоит столь остро.

Мало работ, ставящих конкретные исследовательские вопросы и решающих узкие задачи, но в детальной их проработке. По-прежнему трудно представить себе российские работы, анализирующие, например, роль братьев и сестер в миграции молодежи [применительно к Швеции (Mulder et al., 2020)] или влияние индивидуальных характеристик пожилых на их миграционное поведение, выявляемое через их предпочтения на рынке жилья [применительно к Нидерландам (De Jong and Brouwer, 2012)].

Опорой многих современных работ выступает едва ли не штампованный и пришедший из советского времени набор литературных источников. В отдельных случаях и сюжетах это может быть похвальным примером преемственности и скрупулезности, особенно в исследованиях, посвященных историческим аспектам миграции населения, развитию науки о миграции. Однако в большинстве случаев такое поверхностное отношение к выстраиванию теоретической концепции и рамки собственного исследования, без глубокого анализа имеющегося бэкграунда, вряд ли оправданно и допустимо.

По-прежнему очень мало географических миграционных работ, пытающихся совместить разную методологию. В то же время качественный и количественный подходы появляются в смежных исследовательских полях, например, в исследованиях сельской местности Тверской географической школы А.А. Ткаченко и его коллег, что дает основания надеяться на их активное появление и в иных социально-географических тематиках. В миграционных сельско-городских исследованиях это присутствует в работах К.В. Аверкиевой (2016). Почти полностью отсутствуют работы, сравнивающие отдельные аспекты миграционных процессов в каких-либо локациях (будь то статус и структура занятости мигрантов, антиимигрантские настроения, мигранты второго поколения и пр.), популярные ныне у европейских исследователей и публикуемые в журналах типа *Comparative Migration Studies*.

Благодаря доступности зарубежных статистических порталов и детальности размещаемых на них данных выросло число российских исследований с подробным анализом международной

FUNDING

миграции населения в отдельных странах и зарубежных городах. Однако первые диссертации и статьи на эту тему пока структурно и качественно не изменили общую картину исследований по пространственному анализу миграции в отдельных странах мира и международных миграционных потоках.

Вместе с тем учет зарубежного опыта и подходов к анализу миграции населения на основе больших данных одновременно с доступом к ранее не собираемым или не публикуемым в России статистическим данным способствовали появлению работ по анализу миграции на уровне муниципальных образований. Если ранее подобный детальный анализ был возможен только для агломераций Москвы и Санкт-Петербурга, то сейчас стало возможно анализировать миграцию не только по городам разных размеров, но и тесно связанных с ними пригородов, сельской глубинки и т.п. Появилась возможность изучения взаимосвязи миграции и локальных рынков труда, жилья и т.п.

Кроме того, в арсенале исследователей возникли принципиально новые данные — получаемые из социальных сетей, а также от сотовых операторов. Это позволило настроить исследовательскую оптику на анализ миграционной ситуации на примере отдельных вузов, микрорайонов, создать миграционные портреты отдельных социальных групп, более обоснованно говорить о мотивации миграции. Эти данные также инициировали или возродили почти забытые направления исследований, такие как изучение маятниковой миграции, иных форм пространственной мобильности.

Однако отсутствие в России регистров населения, подобных тем, что существуют в странах Северной Европы, детальных данных о разных видах пространственной мобильности, собираемых и публикуемых в Германии (Старикова, 2016; Старикова, Тревиш, 2017), а также обследований, позволяющих изучать миграцию на микро-данных, тормозит изучение миграции в России.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Разделы “Миграция населения в публикациях в ведущих географических журналах” и “Изучение внутренней миграции с опорой на новые статистические данные” подготовлены в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Раздел “Изучение миграции населения в диссертациях географов” написан в рамках выполнения госзадания “Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья” (№ 121051100161-9).

The sections Population Migration in Publications in Leading Geographical Journals and Studying Internal Migration Based on New Statistical Data were prepared as part of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics. The section Study of Population Migration in Geographers' Dissertations was written as part of the state task “Modern Dynamics and Factors of Socioeconomic Development of Regions and Cities of Russia and Countries of the Near Abroad” (topic no. 121051100161-9).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агирречу А.А.* Структура и динамика защит по социально-экономической географии в России в 2000-е гг. // Региональные исследования. 2014. № 1 (43). С. 145–153.
- Алов И.Н.* Пространственная дифференциация расселения афроамериканцев в крупных городских агломерациях США в начале XXI века: Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2021.
- Антонов Е.В.* Социально-экономическое развитие и рынки труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1990–2010-х годах: Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2016а.
- Антонов Е.В.* Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 года // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016б. № 2. С. 54–63.
- Аракчеева О.В.* Пространственные особенности миграции, адаптации мигрантов и управление современными миграционными процессами (на материалах Нижегородской области): Дисс. ... канд. геогр. наук. Воронеж, 2012.
- Артеменков М.Н., Сухова Е.Е.* Трансформация образовательных стратегий выпускников школ в условиях распространения коронавируса COVID-19: региональный аспект // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 111–120.
- Аверкиева К.В., Землянский Д.Ю.* Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 75–81.
- Бабкин Р.А.* Динамика расселения Московского региона по данным сотовых операторов: Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2020.
- Богданова Л.П., Шукина А.С.* Тверская область: информационная база и направления изучения миграционных процессов // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: География и геоэкология. 2016. № 2. С. 33–45.
- Бреславский А.С.* Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
- Васильева О.Е., Удовенко В.С.* Социально-географический анализ сельских поселений на основе данных

- социальной сети “ВКонтакте” // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 6. С. 26–33.
- Габдрахманов Н.К. Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности // Географический вестник. 2020. № 1. С. 96–107.
- Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.
- Гулько М.С., Глезер О.Б. Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970–2010 гг.: динамика и распределение населения // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 1. С. 64–76.
- Дегусарова В.С., Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Геодемографические особенности пригородной зоны Санкт-Петербурга // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 3. С. 19–40.
- Дежина И.Г., Солдатова С.Э., Ушакова С.Е. Миграция научных кадров Балтийского региона: прогноз и факторы влияния // Балтийский регион. 2020. № 1. С. 115–131.
- Дельва К.И. Демографическая динамика молодежных когорт Санкт-Петербурга в период образовательных миграций // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Науки о земле. 2021. № 2 (66). С. 192–211. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.201>
- Доронина К.А. Миграция как источник роста населения столичных мегаполисов России в период между переписями 1989 и 2010 гг. // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 131–141.
- Егоров Д.О., Николаев Р.С. Роль миграции в усилении поляризации расселения Республики Татарстан // Региональные исследования. 2019. № 1 (63). С. 86–98.
- Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б. Миграция населения // СССР–СНГ–России: География населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор. М.: УРСС, 2001. С. 286–333.
- Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как “центр производства и распределения” человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети “ВКонтакте”) // Региональные исследования. 2012. № 2 (36). С. 15–28.
- Замятина Н.Ю., Елманова Д.С., Потураева А.В., Акимова В.В. и др. Особенности миграционной ситуации в Белгородской области: факторы повышенной привлекательности территории для мигрантов из северных регионов России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2019. № 5. С. 97–107.
- Замятина Н.Ю., Яшунский А.Д. Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117–137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07>
- Землянский Д.Ю. Сезонные ритмы социально-экономических процессов в регионах России: Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2011.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990–2010 гг.: ключевые факторы различий // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М., 2013. С. 95–114.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Возрастные особенности межрегиональной миграции населения в России // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 101–125.
- Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2019. № 6. С. 82–89.
- Кашницкий И.С. Влияние изменений в правилах учета миграции в 2011 г. на оценку интенсивности миграции молодежи: когортно-компонентный анализ // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4 (1). С. 83–97. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6989>
- Кельман Ю.Ф. Этнокультурное многообразие городского населения США и методы его исследования в географическом аспекте: Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2016.
- Лялина А.В. Международная трудовая миграция как фактор формирования региональных рынков труда в Центре и на Северо-западе России: Дисс. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2018.
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 68–78.
- Махрова А.Г., Кириллов П.Л. “Жилищная проекция” современной российской урбанизации // Региональные исследования. 2014. № 4 (46). С. 134–144.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства Центрально-Российского мегаполиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 5. С. 77–85.
- Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедова, К.В. Аверкиева, А.Г. Махрова. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
- Мкртчян Н.В. Возрастной профиль внутрироссийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения // Региональные исследования. 2018. № 1 (59). С. 72–81.
- Нефедова Т.Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015. № 2. С. 93–100.
- Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2017. № 5. С. 58–67.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства центрально-российского мегаполиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 5. С. 77–85.

- Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
- Савоскул М.С. Реэмиграция российских немцев из Германии в Россию: факторы и масштабы явления // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). С. 57–68.
- Савоскул М.С. Становление и развитие миграциологии в России: опыт междисциплинарного исследования // Региональные исследования. 2014. № 4 (46). С. 28–39.
- Савоскул М.С. Территориальные системы международных миграций населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015. № 6. С. 11–18.
- Савоскул М.С. Эмиграция из России в страны Дальнего Зарубежья в конце XX–начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 44–53.
- Савоскул М.С. Формирование и эволюция российско-германской транснациональной миграционной системы: Дисс. ... д-ра геогр. наук. М.: МГУ, 2016.
- Соловьев И.А. Миграционные процессы на Северном Кавказе: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Ставрополь: СКФУ, 2017. 424 с.
- Старикова А.В. Пространственная мобильность населения Баварии: Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2016.
- Старикова А.В., Трейвиш А.И. Время, место и мобильность: эволюция хроногеографии // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 13–22.
- Стась И.Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е–начало 1990-х гг.). Курган, 2018. 168 с.
- Трейвиш А.И. Геопространство, информация, мобильность и модернизация общества // Региональные исследования. 2015. № 2 (48). С. 37–49.
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Смирнов А.В. Демографические и миграционные процессы на российском Севере: 1980–2000 гг. Сер. Библиотека демографа. Вып. 18. Сыктывкар, 2016. 168 с.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М.: Дело, 2015. 55 с.
- Чудиновских О.С. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. № 10. С. 27–35.
- Чудиновских О.С. Административная статистика международной миграции: источники, проблемы и ситуация в России // Вопросы статистики. 2016. № 2. С. 32–46.
- Чудиновских О.С. Большие данные и статистика миграции // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 2. С. 48–56.
- Чудиновских О.С., Степанова А.В. О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7 (1). С. 54–82.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>
- Чуклова О.Ю. Геоинформационная система анализа социально-экономических связей России и Украины (на примере миграционных потоков в приграничье): Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2011.
- Шабанова Н.А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе. Новосибирск: Наука, 1991. 235 с.
- Шатило Д.П. Социальная дифференциация территорий крупнейших европейских столиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2017. № 1. С. 100–102.
- Шатило Д.П. Социальная дифференциация городских территорий (на примере стоимости жилья и расселения иммигрантов в крупных столицах Европы): Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2018.
- Шелудков А.В. Трансформация сельского расселения Тюменской области в постсоветский период: Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Институт географии РАН, 2020.
- Эндрюшко А.А. Масштабы и направления миграции молодежи Иркутской области (1989–2015 гг.) // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 32–43.
- Alekseev A.I., Vinogradov D.M., Smirnov I.P., Smirnova A.A. Between Two Capitals: Population Migrations of Tver Oblast and Their Reflection on the Social Network Vkontakte // Reg. Res. of Russia. 2021. Vol. 11. № 1. P. 71–79.
- Averkieva K.V. Labor Markets and the Role of Otkhodnichestvo in the Employment of Rural Inhabitants of Russia's Non-Chernozem Zone // Reg. Res. of Russia. 2016. Vol. 6. № 1. P. 21–31.
<https://doi.org/10.1134/S2079970516010020>
- De Jong, P., Brouwer A. Residential mobility of older adults in the Dutch housing market: Do individual characteristics and housing attributes have an effect on mobility? // Europ. Spatial Res. and Policy. 2012. № 19 (1). P. 33–47.
- Denisov E.A. Migration Processes in Cities of the Russian North in the 1990s–2010s // Reg. Res. of Russia. 2018. Vol. 8. № 2. P. 158–168.
<https://doi.org/10.1134/S207997051802003X>
- Karachurina L.B. Demographic Transformation of Post-Soviet Cities of Russia // Reg. Res. of Russia. 2014. Vol. 4. № 2. P. 56–67.
<https://doi.org/10.1134/S2079970514020087>
- Karachurina L.B., Ivanova K.A. Migration of the Elderly Population in Russia (According to the 2010 Population Census) // Reg. Res. of Russia. 2019. Vol. 9. № 2. P. 164–172.
<https://doi.org/10.1134/S2079970519020059>
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. The Role of Migration in Enhancing Settlement Pattern Contrasts at the Municipal Level in Russia // Reg. Res. of Russia. 2016. Vol. 6. № 4. P. 332–343.
<https://doi.org/10.1134/S2079970516040080>
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals //

- Reg. Res. of Russia. 2021a. Vol. 11. № 1. P. 48–60.
<https://doi.org/10.1134/S2079970521010068>
- Karachurina L., Mkrtchyan N.* Internal migration and population concentration in Russia: age-specific patterns // *GeoJournal*. 2021b. In press.
<https://doi.org/10.1007/s10708-021-10525-z>
- Kashnitsky I.* Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // *GeoJournal*. 2020. № 1 (85). P. 173–185.
<https://doi.org/10.1007/s10708-018-9953-5>
- Knowledge, networks and nations: Global scientific collaboration in the 21st century. The Royal Society. March 2011. Report 03/11. https://web.archive.org/web/20110409075050/http://royalsociety.org/uploadedFiles/Royal_Society_Content/Influencing_Policy/Reports/2011-03-28-Knowledge-networks-nations.pdf
- Kurichev N.K.* Housing Construction in the Moscow Agglomeration: Spatial Equilibrium Modeling // *Reg. Res. of Russia*. 2017. Vol. 7. № 1. P. 23–35.
<https://doi.org/10.1134/S207997051701004X>
- Kurichev N.K., Kuricheva E.K.* Relationship of Housing Construction in the Moscow Urban Agglomeration and Migration to the Metropolitan Areal // *Reg. Res. of Russia*. 2018. Vol. 8. № 1. P. 1–15.
<https://doi.org/10.1134/S2079970518010069>
- Makhrova A., Babkin R.* Methodological Approaches to the Delimitation of the Boundaries of the Moscow Agglomeration Based on Data from Mobile Network Operators // *Reg. Res. of Russia*. 2020. Vol. 10. № 3. P. 373–380.
<https://doi.org/10.1134/S2079970520030090>
- Makhrova A.G., Kirillov P.L.* Seasonal Pulsation of Settlement Pattern in the Moscow Agglomeration under the Influence of Dacha and Work Commuting: Approaches to Studies and Assessment // *Reg. Res. of Russia*. 2016. Vol. 6. № 1. P. 1–8.
<https://doi.org/10.1134/S2079970516010081>
- Makhrova A.G., Kirillov P.L., Bochkarev A.N.* Work Commuting of the Population in the Moscow Agglomeration: Estimating Commuting Flows Using Mobile Operator Data // *Reg. Res. of Russia*. 2017. Vol. 7. № 1. P. 36–44.
<https://doi.org/10.1134/S2079970517010051>
- Mkrtchyan N.V.* Migration of Young People to Regional Centers of Russia at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries // *Reg. Res. of Russia*. 2013. Vol. 3. № 4. P. 335–347.
<https://doi.org/10.1134/S2079970513040096>
- Mkrtchyan N.V.* Regional Capitals of Russia and Their Suburbs: Specifics of the Migration Balance // *Reg. Res. of Russia*. 2019. Vol. 9. № 1. P. 12–22.
<https://doi.org/10.1134/S2079970519010076>
- Mkrtchyan N., Vakulenko E.* Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle // *GeoJournal*. 2019. № 84 (6). 1549–1565.
<https://doi.org/10.1007/s10708-018-9937-5>
- Mu X., Gar-On Yeh A., Zhang X., Wang J., Lin J.* Moving down the urban hierarchy: Turning point of China's internal migration caused by age structure and hukou system // *Urban Studies*. 2021. In press.
<https://doi.org/10.1177/00420980211007796>
- Mulder C.H., Lundholm E., Malmberg G.* Young Adults' Migration to Cities in Sweden: Do Siblings Pave the Way? // *Demography*. 2020. № 57 (6). P. 2221–2244
- Nefedova T.G.* Migration Mobility of Population and *Otkhodnichestvo* in Modern Russia // *Regional Research of Russia*. 2015. 5 (3). P. 243–256
<https://doi.org/10.1134/S2079970515030077>
- Nefedova T.G., Treivish A.I.* Urbanization and Seasonal Deurbanization in Modern Russia // *Reg. Res. of Russia*. 2019. Vol. 9. № 1. P. 1–11.
<https://doi.org/10.1134/S2079970519010088>
- Newbold K.B.* Migration and regional science: Opportunities and challenges in a changing environment // *Annals of Regional Science*. 2012. № 48 (2). P. 451–468.
- Pisarevskaya A., Levy N., Scholten P., Jansen J.* Mapping migration studies: An empirical analysis of the coming of age of a research field // *Migration Studies*. 2021. № 8 (3). P. 455–481.
- Plane D.A., Bitter C.* The role of migration research in regional science // *Papers in Reg. Sci.* 1997. № 76 (2). P. 133–153.
- Plane D.A., Jurjevich J.R.* Ties That No Longer Bind? The Patterns and Repercussions of Age-Articulated Migration // *The Professional Geographer*. 2009. № 61 (1). P. 4–20.
- Vakulenko E., Mkrtchyan N.* Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age // *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2020. № 13 (3). P. 609–630.
<https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8>

New Data and Traditional Approachers: How Russian Geographer's Study Population Migration (2010–2021)

L. B. Karachurina^{1, *}, N. V. Mkrtchyan^{1, **}, and M. S. Savoskul^{2, ***}

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

*e-mail: ikarachurina@hse.ru

**e-mail: nmkrtchyan@hse.ru

***e-mail: savoskul@yandex.ru

The development of population migration studies in Russia's social geography in 2010–2021 is analyzed. Publications on this topic in leading geographical journals are studied. The possibilities of studying Russia's internal population migration of using new data are considered. Dissertations defended in Russia in the spe-

cialty of “Economic, Social, Political, and Recreational Geography” are summarized. Based on the results of the analysis, it is concluded that the period under review is characterized by an increased number and broadening of population migration research topics. After 2010, Russian geographers have intensified their study of migration in foreign countries. Among the new areas compared to the early 2000s, one can cite analysis of the settlement pattern of migrants at the intracity level based on cases studies of foreign countries. New directions in the study of Russian migration are related to specification of the migration information base at the municipal level. The appearance of fundamentally new data—mobile operator networks—makes it possible to study the time cycles of the population’s spatial mobility. Social network (e.g., VKontakte) data is used to analyze educational migration. The main problems are related to the formulation of research questions, the depth and complexity of study of the migration process, and the low popularity of the methods and approaches of other social sciences among geographers. Analysis of the publication activity of authors showed a rather low level of cooperation between Russian researchers and their foreign colleagues, as well as the virtual absence of scientific cooperation between geographers from different Russian regions in migration studies.

Keywords: internal migration, international migration, migration statistics, migration studies

REFERENCES

- Aguirrechu A.A. Structure and dynamics of defenses in socioeconomic geography in Russia in 2000’s. *Reg. Issled.*, 2014, no. 1 (43), pp. 145–153. (In Russ.).
- Alekseev A.I., Vinogradov D.M., Smirnov I.P., Smirnova A.A. Between two capitals: population migrations of Tver oblast and their reflection on the social network VKontakte. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 71–79.
- Alov I.N. Spatial differentiation of the settlement of African Americans in large urban agglomerations of the United States at the beginning of the 21st century. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2021. 238 p.
- Antonov E.V. Socioeconomic development and labor markets of the cities of Urals, Siberia, and Far East in 1990–2010. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2016a. 247 p.
- Antonov E.V. Labor mobility of the population of Russia according to the 2010 All-Russian census. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2016b, no. 2, pp. 54–63. (In Russ.).
- Arakcheeva O.V. Spatial features of migration, adaptation of migrants, and management of modern migration processes by example of Nizhny Novgorod oblast. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Voronezh, 2012. 175 p.
- Artemenkov M.N., Sukhova E.E. Transformation of educational strategies for school graduates in the conditions of COVID-19 pandemic: a regional aspect. *Reg. Issled.*, 2020, no. 2 (68), pp. 111–120. (In Russ.).
- Averkieva K.V. Labor markets and the role of *otkhodnichestvo* in the employment of rural inhabitants of Russia’s Non-Chernozem Zone. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 21–31.
<https://doi.org/10.1134/S2079970516010020>
- Averkieva K.V., Zemlyanskii D.Yu. The structure of employment of the rural population in the Central Chernozem region. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2016, no. 2, pp. 75–81. (In Russ.).
- Babkin R.A. The dynamics of settlement in Moscow region according to mobile network operators. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2020. 234 p.
- Bogdanova L.P., Shchukina A.S. Tver oblast: database and study of migration processes. *Vestn. Tver. Gos. Univ., Ser.: Geogr. Geoekol.*, 2016, no. 2, pp. 33–45. (In Russ.).
- Breslavskii A.S. *Nezaplanirovannyye prigorody: sel’sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetkii period* [Non-Planned Vicinities: Rural–Urban Migration and Extension of Ulan-Ude in Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: Buryat. Nauch. Tsentr, Sib. Otd., Ross. Akad. Nauk, 2014. 192 p.
- Chudinovskikh O.S. Crisis of registration of migration in Russia. *Vopr. Stat.*, 2004, no. 10, pp. 27–35. (In Russ.).
- Chudinovskikh O.S. Administrative statistics of international migration: sources, problems, and situation in Russia. *Vopr. Stat.*, 2016, no. 2, pp. 32–46. (In Russ.).
- Chudinovskikh O.S. Big data and migration statistics. *Vopr. Stat.*, 2018, vol. 25, no. 2, pp. 48–56. (In Russ.).
- Chudinovskikh O.S., Stepanova A.V. Quality of federal statistical monitoring of migration processes. *Demogr. Obozr.*, 2020, vol. 7 (1), pp. 54–82. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>
- Chuklova O.Yu. Geoinformation system for the analysis of socio-economic relations between Russia and Ukraine (by the example of migration flows in the border area). *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow, 2011. 167 p.
- Degusarova V.S., Martynov V.L., Sazonova I.E. Geodemography of the Saint Petersburg suburbs. *Balt. Reg.*, 2018, vol. 10, no. 3, pp. 19–40.
- De Jong P., Brouwer A. Residential mobility of older adults in the Dutch housing market: Do individual characteristics and housing attributes have an effect on mobility? *Eur. Spatial Res. Policy*, 2012, vol. 19, no. 1, pp. 33–47.
- Del’va K.I. Demographic dynamics of St. Petersburg youth cohorts during educational migration. *Vestn. S.-Peterb. Univ., Nauki Zemle*, 2021, no. 2 (66), pp. 192–211. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.201>
- Denisov E.A. Migration processes in cities of the Russian north in the 1990s–2010s. *Reg. Res. Russ.*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 158–168.
<https://doi.org/10.1134/S207997051802003X>
- Dezhina I.G., Soldatova S.E., Ushakova S.E. Migration of researchers in the Baltic region: a forecast and factors. *Balt. Reg.*, 2020, no. 1, pp. 115–131.

- Doronina K.A. Migration as a source of population growth in the capital megalopolises of Russia in the period between 1989 and 2010 censuses. *Stud. Russ. Econ. Dev.*, 2019, no. 1, pp. 93–101.
- Egorov D.O., Nikolaev R.S. The role of migration in increasing the polarization of settlement in the Republic of Tatarstan. *Reg. Issled.*, 2019, no. 1 (63), pp. 86–98. (In Russ.).
- Endryushko A.A. Scales and trends in youth migration in Irkutsk oblast (1989–2015). *Reg. Issled.*, 2018, no. 2 (60), pp. 32–43. (In Russ.).
- Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N., Smirnov A.V. *Demograficheskie i migratsionnye protsessy na rossiiskom Severe: 1980–2000 gg.* [Demographic and Migration Processes in the Russian North: 1980–2000]. Ser. Biblioteka demografa [Library of Demographer], no. 18. Syktyvkar, 2016. 168 p.
- Florinskaya Yu.F., Mkrtchyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. *Migratsiya i rynek truda* [Migration and the Labor Market]. Moscow: Delo Publ., 2015. 55 p.
- Gabdrakhmanov N.K. Youth migration as an indicator of regional attractiveness. *Geogr. Vestn.*, 2020, no. 1, pp. 96–107. (In Russ.).
- Grigoriev K.V. *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostanstvo prigoroda* [In the Shadow of a Big City: The Social Space of the Suburbs]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2013. 248 p.
- Gun'ko M.S., Glezer O.B. Small district centers and surrounding territories in Central Russia in 1970–2010: dynamics and distribution of the population. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2015, no. 1, pp. 64–76. (In Russ.).
- Karachurina L.B. Demographic transformation of post-Soviet cities of Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2014, vol. 4, no. 2, pp. 56–67.
<https://doi.org/10.1134/S2079970514020087>
- Karachurina L.B., Florinskaya Yu.F. Migration intentions of graduates of schools in small and medium-sized cities of Russia. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2019, no. 6, pp. 82–89. (In Russ.).
- Karachurina L.B., Ivanova K.A. Migration of the elderly population in Russia (according to the 2010 population census). *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 164–172.
<https://doi.org/10.1134/S2079970519020059>
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Intraregional population migration in Russia: suburbs outperform capitals. *Reg. Res. Russ.*, 2021a, vol. 11, no. 1, pp. 48–60.
<https://doi.org/10.1134/S2079970521010068>
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Migration and natural movement of the urban population and administrative regions of Russia in 1990–2010: key factors of differences. *Nauchn. Tr. Inst. Narodokhoz. Prognozirovaniya, Ross. Akad. Nauk*, 2013, no. 11, pp. 95–114. (In Russ.).
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. The role of migration in enhancing settlement pattern contrasts at the municipal level in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 332–343.
<https://doi.org/10.1134/S2079970516040080>
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Age-related features of interregional population migration in Russia. *Reg. Ekon. Sotsiol.*, 2017, no. 4 (96), pp. 101–125. (In Russ.).
- Karachurina L., Mkrtchyan N. Internal migration and population concentration in Russia: age-specific patterns. *GeoJournal*, 2021b.
<https://doi.org/10.1007/s10708-021-10525-z>
- Kashnitsky I.S. The impact of changes in the rules of migration registration in 2011 on the assessment of the intensity of youth migration: a cohort-component analysis. *Demogr. Obozr.*, 2017, vol. 4, no. 1, pp. 83–97. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6989>
- Kashnitsky I. Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of internal youth migration in Central Russia. *GeoJournal*, 2020, vol. 85, no. 1, pp. 173–185.
<https://doi.org/10.1007/s10708-018-9953-5>
- Kel'man Yu.F. Ethnocultural diversity of the urban population of United States and its research in the geographical aspect. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow, 2016. 287 p.
- Knowledge, Networks and Nations: Global Scientific Collaboration in the 21st Century*. RS Policy document 03/11. The Royal Society, 2011. 113 p.
- Kurichev N.K. Housing construction in the Moscow agglomeration: spatial equilibrium modeling. *Reg. Res. Russ.*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 23–35.
<https://doi.org/10.1134/S207997051701004X>
- Kurichev N.K., Kuricheva E.K. Relationship of housing construction in the Moscow urban agglomeration and migration to the metropolitan area. *Reg. Res. Russ.*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1–15.
<https://doi.org/10.1134/S2079970518010069>
- Lyalina A.V. International labor migration as a factor in the development of regional labor markets in the Center and Northwest of Russia. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Kaliningrad, 2018. 225 p.
- Makhrova A.G., Babkin R.A. Analysis of the pulsations of the settlement system of the Moscow agglomeration based on data from mobile network operators. *Reg. Issled.*, 2018, no. 2 (60), pp. 68–78. (In Russ.).
- Makhrova A.G., Babkin R.A. Methodological approaches to the delimitation of the boundaries of the Moscow agglomeration based on data from mobile network operators. *Reg. Res. Russ.*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 373–380.
<https://doi.org/10.1134/S2079970520030090>
- Makhrova A.G., Kirillov P.L. “Housing projection” of modern Russian urbanization. *Reg. Issled.*, 2014, no. 4 (46), pp. 134–144. (In Russ.).
- Makhrova A.G., Kirillov P.L. Seasonal pulsation of settlement pattern in the Moscow agglomeration under the influence of dacha and work commuting: approaches to studies and assessment. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 1–8.
<https://doi.org/10.1134/S2079970516010081>
- Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Polarization of the space of the Central Russian megalopolis and population mobility. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2016, no. 5, pp. 77–85. (In Russ.).

- Makhrova A.G., Kirillov P.L., Bochkarev A.N. Work commuting of the population in the Moscow agglomeration: estimating commuting flows using mobile operator data. *Reg. Res. Russ.*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 36–44. <https://doi.org/10.1134/S2079970517010051>
- Mezhdu domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and ... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia], Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G., Eds. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2016. 504 p.
- Mkrtychyan N.V. Migration of young people to regional centers of Russia at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries. *Reg. Res. Russ.*, 2013, vol. 3, no. 4, pp. 335–347. <https://doi.org/10.1134/S2079970513040096>
- Mkrtychyan N.V. Age profile of domestic labor migration and other forms of spatial mobility of the population. *Reg. Issled.*, 2018, no. 1 (59), pp. 72–81. (In Russ.).
- Mkrtychyan N.V. Regional capitals of Russia and their suburbs: specifics of the migration balance. *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 12–22. <https://doi.org/10.1134/S2079970519010076>
- Mkrtychyan N., Vakulenko E. Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle. *GeoJournal*, 2019, vol. 84, no. 6, pp. 1549–1565. <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9937-5>
- Mu X., Gar-On Yeh A., Zhang X., Wang J., Lin J. Moving down the urban hierarchy: turning point of China's internal migration caused by age structure and hukou system. *Urban Stud.*, 2021. <https://doi.org/10.1177/00420980211007796>
- Mulder C.H., Lundholm E., Malmberg, G. Young adults' migration to cities in Sweden: Do siblings pave the way? *Demography*, 2020, vol. 57, no. 6, pp. 2221–2244.
- Nefedova T.G. Employment and *otkhodnichestvo* of the population in Stavropol krai. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2015a, no. 2, pp. 93–100. (In Russ.).
- Nefedova T.G. Migration mobility of population and *otkhodnichestvo* in modern Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2015b, vol. 5, no. 3, pp. 243–256. <https://doi.org/10.1134/S2079970515030077>
- Nefedova T.G., Mkrtychyan N.V. Migration of the rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2017, no. 5, pp. 58–67. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Space polarization of the Central Russian megalopolis and population mobility. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2016, no. 5, pp. 77–85. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Urbanization and seasonal deurbanization in modern Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 1–11. <https://doi.org/10.1134/S2079970519010088>
- Newbold K.B. Migration and regional science: opportunities and challenges in a changing environment. *Ann. Reg. Sci.*, 2012, vol. 48, no. 2, pp. 451–468.
- Pisarevskaya A., Levy N., Scholten P., Jansen J. Mapping migration studies: an empirical analysis of the coming of age of a research field. *Migr. Stud.*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 455–481.
- Plane D.A., Bitter C. The role of migration research in regional science. *Pap. Reg. Sci.*, 1997, vol. 76, no. 2, pp. 133–153.
- Plane D.A., Jurjevich J.R. Ties that no longer bind? The patterns and repercussions of age-articulated migration. *Prof. Geogr.*, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 4–20.
- Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu: 222 goda spustya* [Journey from Petersburg to Moscow: 222 Years After]. Book 1: *Dva stoletiya rossiiskoi istorii mezhdu Moskvoy i Sankt-Peterburgom* [Two Centuries of Russian History between Moscow and St. Petersburg]. Nefedova T.G., Treivish A.I., Eds. Moscow: URSS-Lenand Publ., 2015. 240 p.
- Savoskul M.S. Re-emigration of Russian Germans from Germany to Russia: factors and scale of the phenomenon. *Reg. Issled.*, 2013, no. 3 (41), pp. 57–68. (In Russ.).
- Savoskul M.S. Establishment and development of migration studies in Russia: experience of interdisciplinary research. *Reg. Issled.*, 2014, no. 4 (46), pp. 28–39. (In Russ.).
- Savoskul M.S. Territorial systems of international population migrations. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2015, no. 6, pp. 11–18. (In Russ.).
- Savoskul M.S. Development and evolution of the Russian-German transnational migration system. *Doctoral (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2016a. 483 p.
- Savoskul M.S. Emigration from Russia to the Far Abroad by the end of the 20th–beginning of the 21st century. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2016b, no. 2, pp. 44–53. (In Russ.).
- Shabanova N.A. *Sezonnaya i postoyannaya migratsiya naseleniya v sel'skom raione* [Seasonal and Permanent Population Migration in Rural Area]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 235 p.
- Shatilo D.P. Social differentiation of the territories of the largest European capitals. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2017, no. 1, pp. 100–102. (In Russ.).
- Shatilo D.P. Social differentiation of urban areas (by the example of the cost of housing and the resettlement of immigrants in the large capitals of Europe). *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2018. 250 p.
- Sheludkov A.V. Transformation of the rural settlement pattern in Tyumen oblast in the post-Soviet period. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Inst. Geogr., Russ. Acad. Sci., 2020. 173 p.
- Solov'ev I.A. *Migratsionnye protsessy na Severnom Kavkaze: problemy adaptatsii i integratsii migrantov* [Migration in the North Caucasus: Problems of Adaptation and Integration of Migrants]. Stavropol: Sev.-Kavk. Fed. Univ., 2017. 424 p.
- Starikova A.V. Spatial mobility of the population of Bavaria. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2016. 211 p.
- Starikova A.V., Treivish A.I. Time, place, and mobility: the evolution of time geography. *Reg. Issled.*, 2017, no. 3 (57), pp. 13–22. (In Russ.).

- Stas' I.N. *Stat' gorozhaninom: urbanizatsiya i naselenie v neftyanom krae (1960-e—nachalo 1990-kh gg.)* [Becoming a Citizen: Urbanization and Population in the Oil Region (1960s—Early 1990s)]. Kurgan, 2018. 168 p.
- Treivish A.I. Geospace, information, mobility, and modernization of society. *Reg. Issled.*, 2015, no. 2 (48), pp. 37–49. (In Russ.).
- Vakulenko E., Mkrtchyan N. Factors of interregional migration in Russia disaggregated by age. *Appl. Spatial Anal. Policy*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 609–630. <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8>
- Vasil'eva O.E., Udovenko V.S. Socio-geographical analysis of rural settlements based on the data of VKontakte social network. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2018, no. 6, pp. 26–33. (In Russ.).
- Zaionchkovskaya Zh.A., Karachurina L.B. Population migration. In *SSSR—SNG—Rossiya: geografiya naseleniya I sotsial'naya geografiya. Analitiko-bibliograficheskii obzor* [USSR—CIS—Russia: Population Geography and Social Geography. Analytical and Bibliographic Review]. Polyak P.M., Ed. Moscow: Editorial URSS, 2001, pp. 286–333. (In Russ.).
- Zamyatina N.Yu. Analysis of youth migration according to the data of social Internet networks: case study the Tomsk State University as a “center of production and distribution” of human capital (according to the VKontakte social network). *Reg. Issled.*, 2012, no. 2 (36), pp. 15–28. (In Russ.).
- Zamyatina N.Yu., Yashunskii A.D. Virtual geography of the virtual population. *Monit. Obshch. Mneniya: Ekon. Sots. Peremeny*, 2018, no. 1, pp. 117–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07>
- Zamyatina N.Yu., Elmanova D.S., Poturaeva A.V., Akimova V.V. et al. Specific migration situation in Belgorod oblast: factors of higher attractiveness of the territory for migrants from the northern regions of Russia. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2019, no. 5, pp. 97–107. (In Russ.).
- Zemlyanskii D.Yu. Seasonal rhythms of socio-economic processes in the regions of Russia. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2011. 214 p.